

введениями христианства, еще в VI—VIII вв. ямы были известны, например, латгалам, соседям славян.

Отбросив христианизацию в качестве основной причины появления сначала подкурганных, а затем и бескурганных ям, следует перейти к поискам других причин столь значительных изменений погребального обряда. Вполне вероятным становится предположение, что исчезновение курганного обряда было обусловлено в конечном счете развитием феодализма. Развитие феодальных отношений влекло за собой распад кровнородственных связей, уменьшение числа участников погребального обряда и уменьшение количества времени, которое каждый из оставшихся в живых мог уделить мертвому. По мере развития феодализма усиливалось и давление, оказывавшееся им на языческий погребальный обряд. Давление возрастало постепенно, и в связи с этим языческий погребальный обряд не погиб сразу, а начал постепенно угасать. Это сказалось прежде всего в уменьшении высоты курганной насыпи вследствие уменьшения числа участников погребального обряда и времени, затрачиваемого на ее сооружение. Уменьшение размеров насыпи было чревато серьезными последствиями, так как ставило под угрозу нормальное функционирование кургана, могло привести к нарушению всех его функций. В такой сложной ситуации наиболее подходящим выходом оказался отказ от сооружения курганной насыпи, но частичная замена ее не христианским крестом, а языческим бдыном, что, не затрагивая основ языческой идеологии, обеспечивало две функции — памяти и пристанища для души. Функции вместилища останков покойного и защиты от запаха тлена перешли от курганной насыпи к яме. Но ямы под бдынами, как и подкурганные ямы, были скорее заимствованиями, причем заимствованиями вынужденными, чем следствием радикальных изменений идеологии. Не следует, однако, забывать, что феодализм был не одинок в своей борьбе против язычества. Среди его союзников были и христианская церковь и этнические процессы, приведшие к сложению древнерусской народности. Но ведущая роль в смене типов погребального обряда принадлежала феодализму, с каждым годом все более пронизывавшему все стороны жизни древнерусского общества. Естественно, вынужденный переход к ямным захоронениям наблюдается прежде всего там, где эксплуатация населения была более интенсивной и суровой. Одним из таких регионов была земля радимичей, испытывавшая двойной гнет — местных и киевских феодалов.

¹ Повесть временных лет.— М.—Л., 1950, ч. I, с. 15.

² Рыбаков Б. А. Нестор о славянских обычаях.— Сб. Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 44.

³ Мавродин В. В. Образование древнерусского государства.— М., 1945, с. 82.

⁴ Повесть временных лет, ч. I, с. 80.

⁵ Рыбакоў Б. А. Радзімічы.— Працы секцыі археалогіі. Мн., 1932, т. III, с. 123.

⁶ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— М., 1970, с. 138.

Л. В. ДУЧИЦ

КУРГАННАЯ ГРУППА У д. КУБЛИЩИНО

Курганная группа (рис. 1) расположена в 600 м на северо-восток от д. Кублищино Миорского р-на Витебской области, в лесу, справа от шоссе Миоры — Новый Погост. К западу от курганов — болото. Насчитывается 62 насыпи, но, несомненно, раньше их было больше, так как рядом находится карьер, и, по рассказам местных жителей, оттуда вместе с песком часто вывозили и человеческие кости. Преобладают полусферические курганы, есть также и овальные. Диаметр насыпей от 3 до 8 м, высота от 0,3 до 0,8 м. Самый большой курган имеет диаметр 17 м и высоту 1,4 м. Овальные курганы вытаныты с запада на восток. Их размеры в среднем 7—8 м в длину и 5—6 м в ширину. Ровики прослеживаются возле всех курганов, но очень слабо. Большая часть насыпей испорчена раскопками кладоискателей. В литературе курганная группа с привязкой к д. Махировка впервые упоминается Ф. В. Покровским¹, затем Е. и В. Голубовичами². В 1977 и 1978 гг. 19 курганов изучено автором. Для раскопок были выбраны насыпи в разных местах могильника.

Изучаемый курганный могильник интересен тем, что по нему можно проследить эволюцию обряда погребений. По особенностям погребального ритуала изученные курганы делятся на три группы: трупосожжения (3), трупоположения (12) и курганы без следов погребений (4). Все раскопанные курганы содержали зольно-угольную прослойку у материка или на высоте 0,1 м от материка. По размерам прослойка в большинстве случаев была меньше основания кургана. Толщина ее от 0,1 до 0,3 м. Аналогичные зольно-угольные прослойки встречаются, например, в курганах под Полоцком³, в курганных группах у д. Загорье⁴ (Браслав-

⊕ — раскопанные курганы

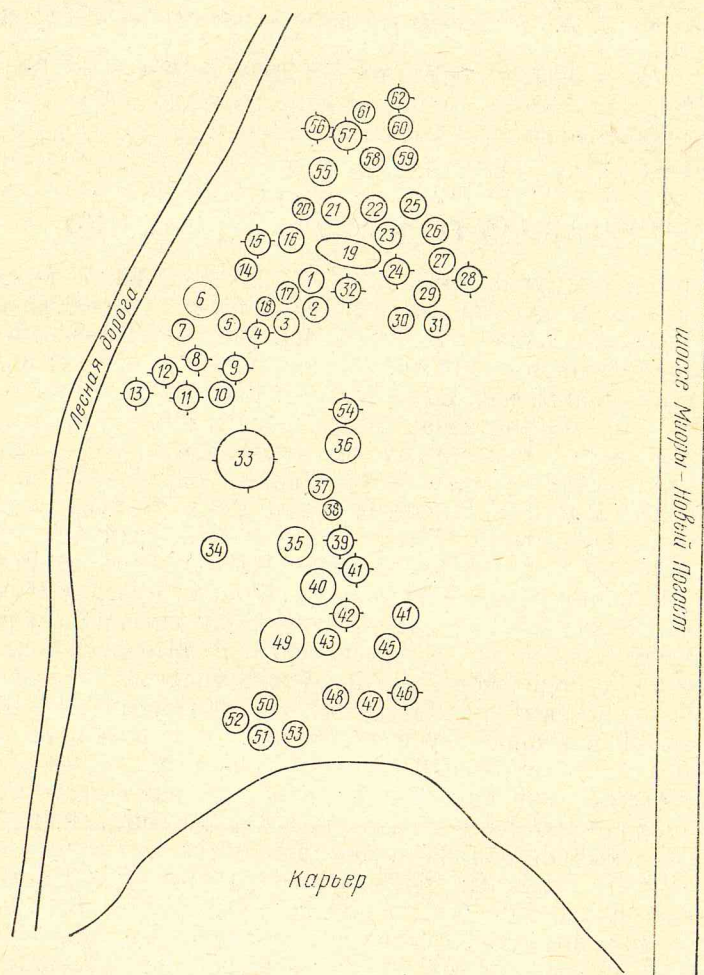

Рис. 1. План курганного могильника близ д. Кублицино

ский р-н) и Черневичи⁵ (Глубокский р-н), в псковских курганах⁶, в курганах Полесья⁷ и т. д. Большинство исследователей считают такие прослойки следами ритуала очищения площадки, предназначенной для курганной насыпи, огнем.

Курганы с трупосожжением обнаружены в восточной части курганной группы (курганы 39, 41, 46). Два захоронения были в грунтовых ямках. Размеры ямок следующие: в кургане 39 — диаметр 0,9 м, глубина 0,4 м, а в кургане 41 — диаметр 0,8 м, глубина 0,2—0,3 м. Вес сожженных костей в первом погребении 900 г, во втором — 700 г. В кургане 41 среди костей обнаружено четыре обломка спиральной трубочки и обломок согнутой уплощенной проволоки (возможно, колечка). В кургане 46 трупосожжение на материке. Вес костей 800 г. Среди костей найден обломок спиральки.

Преобладающим типом погребений являются труположения. Во всех насыпях труположения на грунте или на высоте 0,1—0,2 м от материка. Сохранность скелетов очень плохая, лишь в одном кургане (курган 33 с парным погребением) оба скелета сохранились хорошо. Всего обнаружено 12 труположений: 9 костяков ориентировано головой на запад, 1 — на юго-запад и 1 — на северо-восток. В парном погребении женский скелет ориентирован на юго-запад, мужской — на северо-восток. Положение рук прослежено в двух курганах — в 24-м и 33-м. В кургане 24 руки были согнуты в локтях и кистями касались плеч. Аналогичное положение рук отмечено в курганах у д. Загорье (Браславский р-н)⁸. В кургане 33 у обоих скелетов руки лежали на животе. Положение скелета во всех курганах прямое, кроме кургана 33, где у женского костяка ноги были согнуты в коленях. Интересно отметить, что в парном захоронении на груди мужского костяка справа сохранились остатки доски, поверх которой лежала правая рука. Курганы по обряду труположения, за исключением кургана с парным погребением, содержали инвентарь. Из железных вещей найдены: калачевидное кресало (курган 13, слева от костяка), обломок ножа с сохранившимся остатком деревянной ручки, обвитой у черенка медной проволокой (курган 12), и листовидный наконечник сулицы с остатками древка на черенке (курган 9). Общая длина наконечника 15,2 см, длина пера 8,7 см (рис. 2, 12). Наконечник лежал возле правой руки погребенного. В этом же кургане найдены: браслет, витой из двух проволок с завязанными концами (рис. 2, 11), подковообразная фибула со спиралевидными концами (рис. 2, 10), два

больших поясных кольца (рис. 2, 8), два маленьких полутора-оборотных колечка и два обломка спиральки. Из украшений в курганах с труположениями найдены: два грушевидных бубенчика с крестовидной прорезью и насечками в нижней части (рис. 2, 2), три браслета, витые из двух проволок с завязанными концами, один браслет с разомкнутыми концами (рис. 2, 7), три лировидные пряжки (рис. 2, 6), четыре подковообразные фибулы различных видов (рис. 2, 5, 9, 10), пять проволочных колечек с заходящими концами (рис. 2, 4), одно колечко в два оборота (рис. 2, 3), пять обломков спиральки (рис. 2, 1), медная цилиндрическая бусина и два

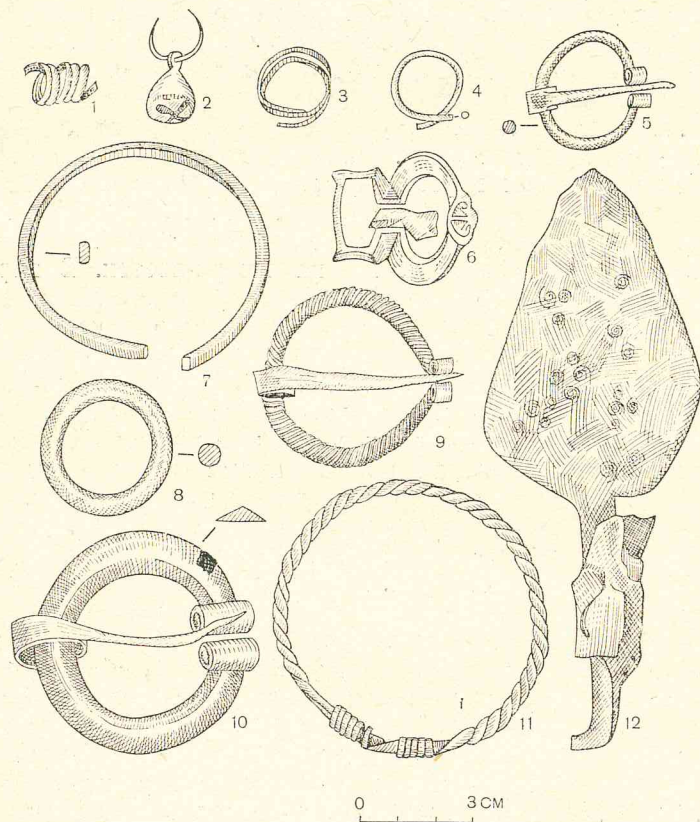

Рис. 2. Погребальный инвентарь: 1, 4, 8, 10, 12 — курган 9; 2, 6, 9 — курган 24; 3, 5, 11 — курган 12; 7 — курган 4

больших поясных кольца (рис. 2, 8). Грушевидные бубенчики с крестовидной прорезью и насечками на нижней части имели широкое распространение в X — начале XII в.⁹ Аналогии витым браслетам из Кублицино можно указать в курганах Дисненщины¹⁰, в погребениях Нукшинского могильника¹¹. Такие браслеты были распространены с X до начала XII в.¹² Многочисленные аналогии лировидным пряжкам здесь приводить не будем. Все найденные фибулы подковообразные со спиралевидными концами. Две из них имеют круглое сечение. Диаметры этих фибул 22 и 30 мм (рис. 2, 5). Одна фибула имеет треугольное сечение (рис. 2, 10) и одна относится к типу тордированных фибул. Первые три фибулы — наиболее широко распространенные типы фибул. Их датировка — X—XIII вв. Последняя же фибула встречается в памятниках X—XI вв. Фибулы со спиралевидными концами характерны для северо-западной территории Руси и Прибалтики¹³.

Керамика из курганов представляет собой обломки одного лепного сосуда и пяти круговых. Два фрагмента лепного сосуда, в том числе слабопрофилированный венчик, найдены в кургане № 28 с труположением. Других вещей здесь не было. Исследователи считают, что отсутствие вещей и наличие лишь одних фрагментов керамики свидетельствуют о принадлежности кургана бедному члену общества. Фрагменты сосудов встречаются часто в курганах Дисненской группы. Е. Голубович, изучавшая эти курганы, пришла к выводу, что обычай класть разбитые горшки в погребение более ранний, чем обычай ставить неповрежденные сосуды. Исследовательница привлекает этнографические данные и отмечает, что с бычай класть разбитую посуду в погребения в некоторых местах сохранялся вплоть до XX в.¹⁴ Не исключено, что найденные в кургане 28 фрагменты керамики относятся к селищу, на месте которого позже был сооружен курганный могильник. Все гончарные сосуды показаны на рис. 3. Из пяти курганов, в которых найдена посуда, справа от ног горшок находился в двух погребениях, слева от ног — тоже в двух и в одном кургане — у ступней погребенного. Гончарная керамика имеет хорошо выраженное плечико и отогнутый венчик. У некоторых сосудов край венчика загнут внутрь. Подобная посуда встречается на большинстве поселений времен Киевской Руси. Ближайшие аналогии имеются в Полоцке¹⁵ и в курганах северной Белоруссии (раскопки Ф. В. Покровского, Е. и В. Голубовичей, Г. В. Штыхова). Орнамент есть только на одном со-

суде. Он представляет собой сочетание прямых линий и насечек (рис. 3, 2). На доньшке одного сосуда отчетливо видно клеймо в виде двух пересеченных линий (рис. 3, 5). Высота сосудов от 11 до 14 см, диаметр устья от 12 до 14 см и диаметр доньшек 6,8—8,5 см. (рис.3).

В Кублицино есть курганы с зольно-угольной прослойкой, не содержащие погребений (курганы 8, 11, 42, 54). По внешнему виду насыпи не отличаются от всех остальных. Подобные «пустые» курганы хорошо известны в археологической литературе. Большинство исследователей считает их меморативными насыпями. В одном из курганов (46), содержащем трупосожжение на материке, обнаружено впуск-

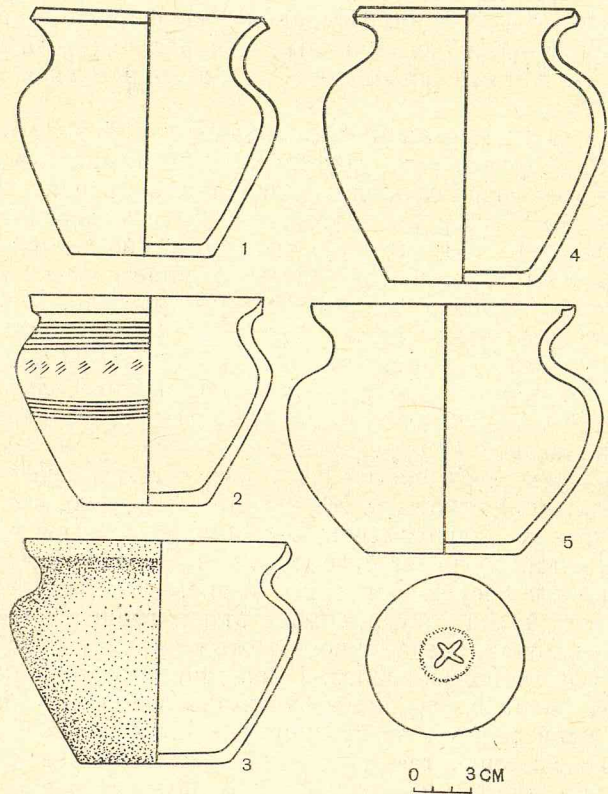

Рис. 3. Сосуды из раскопок курганов: 1 — курган 13, 2 — курган 56, 3 — курган 57, 4 — курган 15, 5 — курган 62

Курганы	Захаровня		Инвентарь (экз)																	
	красная	черная	красная	черная	красная	черная	красная	черная	красная	черная	красная	черная	красная	черная	красная	черная	красная	черная		
4																			+	
8																				+
9																				
11																				
12																				
13																				
15																				
24																				
28																				
32																				
33																				
39																				
41																				
42																				
46																				
54																				
55																				
57																				
62																				

Рис. 4. Корреляция элементов погребального обряда и инвентаря в курганах у д. Кублицино

ное труположение с западной ориентировкой в центре (в 0,3 м от поверхности кургана) (рис. 4).

Итак, на основании вещевых находок погребального обряда можно сделать вывод, что дата сооружения курганной группы — X—XII вв. Что касается этнической принадлежности населения, оставившего данные курганы, то это славяне, усвоившие некоторые элементы культуры местного, ими ассимилированного населения.

¹ Покровский Ф. В. Археологическая карта Виленской губернии.— Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильно IX археологического съезда. Вильно, 1893, отд. II, с. 3.

² Голубович Е., Голубович В. Славянские поселения правобережной Дисны в Вилейском округе БССР.— КСИИМК, вып. II, 1945, с. 127 (карта).

³ Штыхов Г. В. Раскопки курганов под Полоцком.— В сб.: Вопросы истории и археологии. Мн., 1966, с. 268—275.

⁴ Покровский Ф. В. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии.— Тр. IX АС, М., 1895, т. I, с. 167—169.

⁵ Sehak-Hońubowiczowa H. Słowiańskie groby kurhanowe koło Czerniewicz w pow. Dziśnieńskim.— Wiadomości archeologiczne, t. XVI, Warszawa, 1939, s. 419—455.

⁶ Подвигина Н. Л. Раскопки курганов в Псковской области.— СА, 1965, № 1, с. 293—294.

⁷ Завитневич В. З. Формы погребального обряда.— Тр. IX АС, М., 1895, т. I, с. 227—235.

⁸ Покровский Ф. В. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии.— Тр. IX АС, т. I, с. 167—169.

⁹ Мальм В. А., Фехнер М. В. Привески-бубенчики.— Тр. ГИМ, вып. 43, М., 1967, с. 133—148.

¹⁰ Sehak-Hońubowiczowa H. Słowiańskie groby kurhanowe..., s. 419—455.

¹¹ Нукшинский могильник.— Рига, 1957, табл. XIX (2), погребение № 140.

¹² Арциховский А. В. Курганы вятичей.— М., 1930, с. 144—145.

¹³ Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы.— Тр. ГИМ, М., вып. 43, с. 149—190.

¹⁴ Sehak-Hońubowiczowa H. Słowiańsko-wareckie cmentarzysko kurhanowe koło Porzeczka w powiecie Dziśnieńskim.— Przegląd archeologiczny, t. VI, Nr 2—3, 1938—1939, s. 178—198.

¹⁵ Штыхов Г. В. Древний Полоцк.— Мн., 1975, с. 80, 81.

Ю. А. ЗАЯЦ

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО ЗАСЛАВЛЯ

В некоторых русских летописных сводах содержится предание об основании князем Киевской Руси Владимиром Святославичем города для его опальной жены Рогнеды и ма-

лолетнего сына Изяслава¹. Город, названный в честь сына Изяславом, был построен в пределах владений князя Роговолода — отца Рогнеды. Достоверное упоминание Изяславля в летописях относится к 1127—1128 гг.² В это время город был хорошо укреплен и, несмотря на отсутствие изяславского князя и его дружины, им не смогли овладеть силой соединенные отряды нескольких князей, посланных киевским князем Мстиславом Владимировичем «на кривичи». Еще В. Н. Татищев предположил, что в описании похода войск Мстислава на Полоцкую землю и в предании о Владимире и Рогнеде речь идет об одном и том же городе³. Н. М. Карамзин отождествил летописный Изяславль с Заславлем под Минском, предположительно отнес события, связанные с основанием города, к 985 г.⁴ Нарбут, следуя Карамзину в вопросе о месте основания города, отнес его возникновение к 986 г.⁵ О Заславле (Изяславле) на р. Свислочи писал К. А. Неволин⁶. До начала археологического изучения Заславля единственным источником по начальному периоду его истории оставалось летописное предание. Поэтому историки, касаясь вопроса об основании Изяславля, ограничивались пересказом источника, подчеркивая его легендарный характер⁷. Само предание о Владимире и Рогнеде является объектом изучения историков, исследователей летописей и эпоса⁸, но вопросы о его характере, времени сложения и степени достоверности остаются нерешенными. Поэтический рассказ, переданный летописцем, не мог не возбудить интереса к собственно истории Изяславля. Во второй половине XIX в. появляются работы, авторы которых стремятся проследить историю города на протяжении всего периода его существования, используя для этого отдельные сведения, содержащиеся в трудах Н. М. Карамзина, Т. Нарбута, в литовско-белорусских хрониках и актах XV—XVII вв.⁹ Эти работы — по сути история смены владельцев Заславля. Вместе с тем отдельные авторы наряду с общепризнанными сведениями приводят описания достопримечательностей Заславля. Одним из первых дал описание заславских памятников П. М. Шпилевский¹⁰, впрочем, в его записках больше эмоций автора, ступившего на овеечную преданиями землю Изяславля. Достоинством работы Шпилевского являются собранные им названия урочищ и местные легенды, относящиеся к заславским памятникам.

Подробные описания и точный план заславского замка — городища Вал — опубликовал К. П. Тышкевич¹¹ (план городища Замэчек, опубликованный там же, неточен), но выводы